

Снег и Кисличка

I

Осенью рано ударили морозцы, застудили землю, запечатали крепким зелёным ледком озёра и реки. А снегу всё не было, не было, - и его ждали повсюду с нетерпением, и вспоминали о нём каждый день.

- Ах, до чего же скучно без снега! - говорили люди. - С погодой творится что-то невероятное!

На голых лугах плакали под ветром Травы:

- Стынем, сты-нем!..

Высокие Деревья сердито скрипели в лесу:

- Босые ноги мёрз-знут! З-зябко!

Недовольно бормотали Тетерева:

- Спать негде, спать негде!

И, кряхтя, бродил-шатался по лесу злющий Медведь, которому не хотелось ложиться в берлогу, не укрытую снегом.

II

Наконец выпал на землю Снег - такой чистый, такой белый, что кругом посветлело и сделалось как будто просторнее.

Заблестели-заискрились ровные луга, в лесу сразу стало нарядно каждое дерево и каждый куст украсились кружевными хлопьями. Даже старые пни помолодели, надев на головы снежные шапки.

Люди развеселились, - они шурились от яркого света, улыбались, а мальчишки играли в снежки и катались на лыжах. И если кто-нибудь из них летел кувырком с горы и снег забивался в рукава, попадал за воротник, - обиды никакой не было, а наоборот: все хохотали и радовались.

На полях перестали зябнуть озимые хлеба, - теперь им было тепло под снежным покровом.

- Спасибо тебе, Снег! - говорили Одуванчики, росшие на лугах, Манжетки с лесных полян, бродяги Подорожники, Земляника, Маргаритки. У них у всех зелёные листья отогрелись под снегом и уже больше не дрожали от ветра и холода.

Вечером с высоких берёз Тетерева начали нырять в снег. Они пробегали несколько шагов, делали коридорчик, потом поворачивались, обминали вокруг себя местечко - и выходила уютная подснежная спаленка. Сверху её нельзя было заметить, а внутри было славно, тепло, и Тетерева бормотали сонно:

- Хорошо-то как... Хорошо-то как!

Над медвежьей берлогой тоже выросла белая крыша. Медведь продышал в ней круглую дырку, чтоб вольготнее спалось, и над берлогой теперь курился тоненький парок, - словно дым от топящейся печи.

- Экая благодать!.. - причмокивал Медведь, засыпая.

III

Все были рады Снегу, все благодарили его, а он молчал. И не потому, что он не умел говорить, и не потому, что сказать было нечего, - совсем по другой причине.

Снег родился высоко-высоко над землёй в сверкающей пустоте, где свищут одни лишь ветры-невидимки да плывут растрёпанные седые тучи. Он долго летел к земле, и ветры кружили его и несли неизвестно куда над полями и лесами.

- Отпустите меня на землю! - попросил Снег. - Там, наверно, меня ждут...

- Молчи-и-и!.. - засвистели Ветры. - Запомни: тебе нельзя разговаривать! На земле ты должен лежать и молчать как мёртвый!

- Но зачем же мне молчать как мёртвому?

- Затем, чтобы дольше прожить! - ответили Ветры. - В словах, которые раздаются там, на земле, заключены страшные болезни. Слова могут заразить тебя жалостью и добротой, нежностью и любовью... Опасайся этого, как огня! Кто много чувствует, тот быстро гибнет. А чтоб прожить долго, надо ничего не чувствовать, ни о чём не думать, ничего не говорить, ничего не слушать и совсем не двигаться, словно ты мёртвый!

- А если я всё-таки заговорю? - спросил Снег.

- Ты погибнешь! - сказали Ветры. - Стоит тебе заговорить в первый раз - и от тебя не останется и половины. Стоит заговорить второй раз - от тебя не останется и восьмушки. А когда заговоришь в третий раз от тебя ничего не останется!

И Снег запомнил предостережение Ветров. Иногда ему хотелось ответить кому-нибудь, поболтать от скуки, но он вовремя спохватывался и продолжал молчать.

IV

За долгую зиму Снег привык к травам и деревьям, к зверям и птицам и, хоть не разговаривал с ними, всё равно узнал про них мною интересного. В полудрёме Травы вспоминали минувшее лето, и Снег слышал о том, как Манжетка собирает на своих листьях росу, а потом даёт напиться птицам; о том, как Подорожник лечит людей; о том, как Одуванчики закрывают перед дождём золотые корзинки, а Земляника ходит на своих длинных усах.

Немало историй слышал Снег от лесных птиц - и про весёлого Клеста, который строит гнездо в лютые морозы и выводит птенцов зимой, и про водяного воробья Оляпку, который купается в прорубях, и про крошечного Королька, который не боится никого в лесу и звенит целый день, как бубенчик.

Лунными ночами Снег слышал волчий вой и видел, как беззвучно убегают через кусты дикие козы. Снег узнал, что зайцы спят с открытыми глазами, а лоси очень любят рябиновые ветки и умеют сгибать рябину до земли, надвигаясь на ствол своей широкой грудью... И чем больше знакомился Снег с лесными жителями, тем сильнее хотелось ему подружиться с ними.

V

Трудно жилось зимою зверям и птицам, - многие голодали, мёрзли; в феврале даже деревья не выдерживали - тресали от морозов. И Снег старался получше укутать древесные корни, поплотнее укрыть луга и поля, спрятать под своей шубой птиц и зверей.

И когда Снег теперь думал про них, он чувствовал, что теплеет и делается мягче.

Однажды вечером пролетел над лесом студёный северный Ветер, дотронулся до снега невидимой рукой и закричал:

- Берегись! Ты начинаешь оттаивать!..

И ветер угнал с неба растрёпанные тучи; выкатилась луна с ушами, и ночью подморозило так, что Снег покрылся твёрдой ледяной корочкой.

Утром Снег почувствовал, как что-то живое бьётся у него под шубой. "Это же Тетерева! - испугался Снег. - Как всегда, они забрались в свои спаленки, а теперь не могут вылезти и

колотятся об ледяную корку..." И ему стало жаль бедных Тетеревов, которые так смешно бормотали, укладываясь спать, и благодарили его, и рассказывали занятные истории.

Потом он услышал чьи-то жалобные стоны и заметил, как через поляну, хромя, бредут дикие козы. Ледяная корка резала им ноги, и следы позади коз были обрызганы чем-то красным. И когда такая красная капля падала на Снег, то прожигала его почти насквозь, и ему тоже делалось больно.

Над лесом показалось Солнце, и тогда Снег закричал, захрустел, собираясь крикнуть. Но от долгого молчания голос у него пропал. Снег сумел только зашептать хрипло:

- Солнышко, помоги!..

И тогда Солнце поднялось выше, разогрело ледяную корку, растопило, - побежали с пригорков ручьи.

А Снег... Он и опомниться не успел, как наполовину исчез. Только в густом бору, низинах да оврагах осталась лежать дырявая снежная шуба.

VI

Стоило Солнцу подняться выше и пригреть землю, как всё кругом изменилось.

На полях зазеленели хлеба, чёрным прошлогодним листом поднялись жёлтые Первоцветы, розовые Хохлатки; рядом со Снегом распустились голубые Подснежники. Запылила Оляха, ветки Ивы покрылись жаркими золотыми шарами.

Тетерева поутру слетались на поляны, чертили по земле крыльями, приплясывали и затевали шумные потасовки. Весь день звенели в лесу Синицы, распевали Чижи, Корольки, и даже старый Ворон кувыркался в небе, каркая во всё горло.

И Снегу тоже стало радостно, что все звери и птицы уже забыли про злую зиму, что расцветают первые цветы, что зеленеют травы, а на деревьях лопаются почки. Снег осмотрелся кругом и невольно сказал:

- Какие вы все красивые!.. И как хорошо, что вы живы-здоровы!

И, сказав это, он почувствовал, что плачет. Плакал он не от горя, а от радости и счастья и потому не удерживал слез, - и опять забулькали ручейки, и Снег не заметил, как почти весь растаял. Уцелел только маленький горбатый сугробик под низкими лапами Ёлки, растущей на краю обрыва.

VII

Теперь Снег решил, что уже больше-то не скажет ни слова. Кому захочется умирать по своей воле, да ещё весной, когда повсюду на земле праздник? А кроме того, Снегу было жаль расставаться со своими друзьями. Он ведь так старался, помогая им зимой, он так беспокоился за них! И теперь он хотел увидеть, как птицы соведут гнёзда и выкормят птенцов, как деревья оденутся листвой, а травы отцветут и принесут семена.

Под еловыми лапами было прохладно, сумрачно; ни один солнечный луч не мог пробиться сквозь них; и Снег, съёжившись сугробиком, тихо лежал тут, невидимый для посторонних глаз.

Как-то ночью он услышал возле себя шорох. На земле шелестели сухие еловые хвоинки, будто кто-то осторожно разгребал их. А на другой день Снег заметил, что из земли проклюнулись какие-то слабенькие, тонкие росточки.

Росточки долго отдыхали, - они измучились, раздвигая хвою у себя над головой. Затем они распрямились и начали медленно-медленно развёртываться. Это рядом со Снегом выросла маленькая Кисличка - наверно, самая скромная и незаметная травка во всём лесу.

У неё было всего по три листика на каждом стебельке, а сами стебельки были почти незаметны -

как паутинки. Но Кисличка старательно приподнималась, растопыривала листочки и даже открыла первый цветок. Он тоже был крошечный, неприметный, словно одинокая снежинка, случайно упавшая в траву. Кого мог привлечь этот цветок, кого остановить, кому приглянуться?

Кисличка словно не думала об этом; весь день она весело кивала цветком, а к ночи бережно прятала его, наклоня вниз и смыкая лепестки. Ей, как и всем жителям леса - и громадным деревьям, и кустарникам, и густым пахучим травам - тоже хотелось радоваться весне, расти, цвести, а потом разбросать вокруг себя семена, чтобы на будущий год выглянули на свет новые молоденькие Кислички...

И Снегу очень понравилась эта маленькая травка - хоть и слабенькая, а упрямая, хоть и бедная, но всё-таки весёлая. Снег нетерпеливо ждал, когда у Кислички раскроются другие цветы и вокруг них затолкуются, запляшут суетливые мухи и лакомки жуки.

Но ему не пришлось этого увидеть.

VIII

Однажды Кисличка попросила еле слышным голоском:

- Пить... Пить...

И Снег увидел, что листочки у неё опущены к земле, стебель гнётся, а цветок вот-вот уронит лепестки. Земля под ёлкой была слишком сухая - сюда не попадали капли дождя, а болтливые ручьи бежали далеко внизу, по дну оврага. И Кисличка стала чахнуть от жажды.

Снег хотел было окликнуть её, ободрить, но тотчас вспомнил, что если заговорит, то умрёт. Ему стало страшно, и он похолодел и перестал смотреть на Кисличку. А она по-прежнему еле слышно просила:

- Пить... Пить...

Снег знал, что никто не придёт, чтобы напоить Кисличку. Да её просто не слышать - наверху шумит Ель тяжёлыми лапами, плещутся под ветром листья Берёз, свистят, перекликаясь друг с дружкой, неустанные птичьи голоса... Только он, Снег, может выручить эту крохотную травку, - и то, если пожертвует своей жизнью.

А ему страшно было умирать. И он попробовал не слышать голоса Кислички, не думать о ней. "Надо лежать так, словно я мёртвый..." убеждал себя Снег.

- Пить... Пить... - просила Кисличка.

"Надо лежать как мёртвому..." - твердил Снег, и вдруг ему пришла другая, новая мысль: "Но зачем тогда жить на свете, если я буду совсем как мёртвый?" И он подумал о своих друзьях в лесу, - вот дикая Коза беспокоится о козлятах, вот серенькая Тетерка бросается под ноги охотнику, отвлекая его от птенцов, вот далее крохотная Кисличка, расцветая в тени под ёлкой, заботится о семенах. И деревья, и травы, и птицы со зверями - все живут как живые: любя и тревожась, огорчаясь и радуясь...

"И я тоже полюбил Кисличку, - думал Снег, - и я волнуюсь за неё, тревожусь, и если Кисличка погибнет, то разве нужна мне будет моя долгая бесполезная жизнь? Для чего я один во всём лесу буду жить как мёртвый?!" И ему стало легче от этих мыслей, и он больше не боялся за себя. "Нет, - думал он, - я так не хочу. Пусть лучше моя смерть обернётся жизнью!"

- Не плачь, Кисличка! - сказал Снег звонко. - Я тебя выручу. Жаль только, что я не увижу прекрасные твои цветы и твоих де...

Снег собирался сказать "твоих деток", но поперхнулся, булькнул и умолк. Много ли надо времени, чтобы растаял небольшой сугробик?

На том месте, где лежал Снег, разлилась чистая вода, напоила сухую землю, - и Кисличка скоро

подняла листья и опять закивала цветком.

IX

Так, значит, Снег умер? Может быть - да, а может быть - нет.

Снег растаял, превратился в воду. Вода напоила травы и деревья, ушла под землю, прошумела ручьями, по речным руслам утекла в моря. А потом летучим туманом она поднялась в воздух, собралась в белые облака и седые тучи.

И высоко-высоко вверху, в холодной сверкающей пустоте вновь родился из воды Снег, чтобы в своё время выпасть на землю и укрыть её от морозов.

И опять случится с ним такая же история, и повторится вновь, бесчисленное множество раз, потому что всегда будут на земле доброта, красота и любовь, - а раз есть, никто не ответит, где кончается смерть и начинается жизнь.

Приключения Зайца

I

Все мои напасти, братцы, начались в конце весны.

Уже черёмуховый снег на землю осыпался, птицы уже свили гнёзда и начинали примолкать; у врагов наших - волков да лисиц - народились щенки, а мы, зайчата - настовички, давно подросли, осмелели и сделались совсем похожими на взрослых красивых зайцев. Было утро, и я собирался где-нибудь залечь подремать. Я только что побывал на деревенском поле, позубрил там клеверку - такого мокрого, холодного от росы, приятного - и теперь ковылял, не торопясь, вдоль опушки. Эх, думаю, зайду сейчас в лес, доберусь до тёплой песчаной гривки и лягу под кустом, таково-то хорошо! Подрёмывай весь день. Но не тут-то было.

Вдоль опушки тянулась чужья заброшенная тропа. Наверно, когда-то люди на водопой тут ходили. Перескочил я через эту тропку, и вдруг моя задняя лапа провалилась - щёлк! - ударило меня, и сунулся я носом в траву. Хочу прыгнуть, дёргаюсь, а лапу кто-то цапнул и держит. Хотя я и храбрый зверь, но тут у меня в глазах помутилось... Кабы знать, кто схватил, может не так страшно было бы. А то ведь непонятно, кто тебя держит, и от этого - самый ужасный ужас. Дёрнулся я что есть сил - подалось. Комок земли вывернул, лапу вытянул, а на лапе то батюшки мои...

Это я уже после узнал, что у меня на лапе было. А тогда - ещё сильнее настрашался.

Висит на лапе чёрное, круглое, переплетённое, будто кривые сучья. Вроде бы неживое, а лапу зубами холодными закусил!

Оказывается, был это, братцы, капкан. Когда люди хотят Волка изловить, Росомаху или там ещё кого, то прячут в разных местах капканы. Это страшные и непонятные штуки. Сидят как мёртвые, но, если дотронешься, - вдруг оживают, защёлкивают свою пасть и держат тебя до прихода человека...

Так мой капкан, братцы, был для Крота поставлен. Когда-то шёл по тропке человек, заметил кротовую нору и спрятал в неё капкан. А потом или забыл про него, или не смог это место найти. Нора кротовая осыпалась, травой заросла, сверху ничего не видать... Но капкан-то всё равно сидел под землёй настороженный - ждал-поджидал... А я в него и втяпался.

Ох, и досталось мне... Уж как я его ни тряс, как ни возил, как ни сбрыкивал - не слезает капкан, да и всё тут. Хотя волком вой! Кидался я туда-сюда, невесть сколько ползком прополз, наконец забился в кусты и лежу, плачу. Ну, думаю, настал мой последний час...

У Зайца-то в чём спасенье? В ногах, сами знаете! Бывало, и от Лисы удерёшь, и от Совы отобьёшься, на спине лёжа, и от охотников уйдёшь, следочки запутывая... А теперь что делать?

Любой враг меня словит!

II

И вот лежу я в кустах, а где-то рядом волны плескаются, по корням пошлёпывают. Сгоряча-то я и не заметил, как на берег озера попал. И кажется мне, что это не вода разговаривает, а невдалеке собаки загавкали, бежит кто-то, сопит... Вот сучок хрустнул... Камешки покатались...

- Нет, и впрямь кто-то бежит!

Глянул я вверх, а на обрыве раздвинулись ветки... что-то серое мелькнуло... и показалась Волчица.

Никогда я, братцы, её так близёхонько не видел. Знал, конечно, что есть в нашем лесу волчья семья, и следы ихние иногда встречал, и даже помнил местечко, где они воду пьют. Но только нос к носу не сталкивался - везло мне...

А сейчас Волчица стояла совсем рядом. Была она худюшая, с отвислым брюхом, а пасть у неё была в чём-то зелёном. Не то траву ела, не то измазалась. Волчица стояла и нюхала воздух.

И я смотрел, как у неё нос морщится. Он шевелился и блестел, как облизанный.

Наверное, сверху Волчице было трудней меня заметить. Если бы заметила, то прыгнула бы сразу, - чего тут раздумывать...

Но она ещё не видела меня, только принюхивалась мокрым своим носом, а потом начала потихоньку спускаться. Конечно, я и не думал удирать. Смешно - с капканом на лапе... Куда уж тут удержись. Я лежал и смотрел, как она идёт.

Чем она ближе подходила, тем у неё сильнее морщился нос. И наконец она меня заметила. Мы глазами встретились. И я видел, как глаза у неё сперва удивились, дрогнули, а потом сразу нацелились на меня. И она сжалась, чтобы кинуться. И тут стряслось что-то совсем неожиданное. Зашумел по деревьям ветер, кругом затрещало, задрожало... Земля подо мной качнулась и вдруг - ухнула куда-то вниз.

III

Вы знаете, братцы, что лесные озёра зарастают? Вода затягивается всякими травами, невкусным мхом. И этот слой всё толще и толще делается, после на нём кустики вырастают и даже деревья. А внизу-то, на глубине, всё равно - вода... Вот спросите у Крота, он вам подтвердит.

Ну вот, кусок такого болота отвалился и поплыл прочь от твёрдой земли. И я очутился на плавучем острове.

Сначала-то я обрадовался. Когда берег рухнул, Волчица испугалась и шмыгнула в кусты. "Значит, - думаю, - опять тебе, Заяц, повезло!"

Но потом я немножко очухался, поглядел вокруг - и снова настрашался отчаянно...

Остров был не очень маленький: прыжков в двадцать в ширину и чуть побольше в длину. На нём болотная трава росла, кустики противного багульника и две сосны. Но земля-то под лапами у меня так и ходила ходуном, изгибалась на волнах... Ведь она была тоненькая! И кусочки от моего острова всё время отваливались, и он делался меньше и меньше.

Пройдёт немного времени, волны размоют моховую подстилку, корни, переплетённую траву - и тогда остров развалится совсем.

А я, с капканом на лапе, до берега, конечно, не доплыву...

"Эх, - думаю, - уж лучше бы мне очутиться в волчьей пасти. Конец - так сразу. А то сидеть да погибели ждать ещё хуже..."

Дул ветер, волны бежали по озеру, и мой остров плыл совсем так же, как у людей плавают лодки

под парусами.

Берег всё удалялся, удалялся, вот уже моим заячьим глазам ни травы не различить, ни кустов, а вот и деревья стали синенькой полоской. Кругом - одна вода, и волны бьются в остров и белыми своими зубками отгрызают кусочек за кусочком...

IV

Остров был уже на середине озера, когда в небе вдруг появилась большая птица. У неё крылья были угловатые, широкие, хвост прямой, словно откушенный. А клюв загнут крючком.

Догадались, кто это был? Конечно, она самая - Скопа... В когтях она тащила рыбину. Скопа - птица-рыболов, и я ничуть не удивился, что она рыбину тащит. Я только не понимал, зачем она к моему островку летит: чего ей здесь надо? Хоть она и рыболов, но всё равно - ну её... Клювастая да когтистая!

Забился я под ветки, глаз на неё скашиваю. А она покружилась и садится на сосну. И я увидел, что на сосне - большое гнездо, целая куча веток уложена. Скопа села туда и закопошилась, закопошилась. Слышно запищали в гнезде. И я понял, что там - птенцы, а Скопа их кормит.

Наверно, когда остров уплыл, Скопа прилетела на прежнее место и не могла найти гнезда. А после всё-таки нашла, но птенцы за это время очень проголодались - уж так они пищали, так пищали...

И я сообразил, что Скопа теперь всё время будет жить рядом со мной. И если сейчас меня не заметила, то потом непременно заметит. И сцапает.

Я видел, как она рыбину поймала. Летела над водой, и вдруг вниз, вниз, когти растопырила, вперёд выставила... Хвать! И поднимается со щукой. Рыбина бьётся, хвостом хлещет, а Скопа несёт её легко, будто головастика.

"Вот, - думаю, - и меня так же... Хвать! - и очутишься в гнезде. Ещё тёпленьким".

Весь день я глаз не сомкнул, трясся. А ночью боялся есть - вдруг веточкой хрустнешь, а Скопа услышит... Позубрил травинки, которые под носом были, и только ещё сильнее живот подвело. И пить мне хотелось ужасно. Вода рядышком плещется, а я боюсь из-под куста вылезти.

Ночь светлая была, вода - как молоко белеет. Вижу - вдалеке какая-то птица проплыла. Чёмга, наверно. Потом показалась водяная Полёвка на плотике из травы. У неё плотик лёгонький, и она обогнала наш остров и уплыла куда-то в камыши.

Под самое утро Лось переплывал через озеро. Сна чала вдали рога показались - как будто дерево коря вое плывёт. Потом слышно - пыхтит, плескается, и голова горбоносая качается над волнами. Лось мимо плыл и вдруг повернул к нашему островку. Вот беда-то! Ведь он одним копытом наступит - перевернёт весь остров! Но Лось, наверно, разобрал, что это не твёрдая земля, вздохнул шумно и направился к берегу.

А утром, на зорьке, начала рыба играть. Как бух нет, как плеснёт! Круги по воде расходятся. Скопа в гнезде проснулась и опять улетела за рыбой.

И в это время объявился ещё один жилец на нашем острове.

V

Я сижу под кустом, со страшного гнезда глаз не свожу. Не пропустить бы Скопу, когда вернётся!

И тут по веткам рыжее такое шмыг-шмыг... В гнездо скопиное - скок! Куница.

Уж я не знаю, отчего я раньше её не приметил. Наверное, тоже пряталась, пока голод не выгнал...

Скакнула куница в гнездо, - смело так, не раздумывая... Но птенцы-то, видать, уже не беззащитные были, потому что Куница два раза вылетела из гнезда, и пух вился, и шерсти клочки... Досталось Кунице на орехи!

Но потом всё смолкло. Только рыжий хвостик торчал над краем гнезда и подрагивал аппетитно...

Едва Куница успела спуститься вниз и удрать, как показалась вдали Скопа. Покружилась над гнездом и села рядом на ветку.

Кто её знает, чего она там увидела, о чём думала. Но только не кричала, не волновалась, а сидела неподвижно, как будто спала.

Уже день кончался, солнце закатывалось, а Скопа всё сидела, и было непонятно, живая она или уже мёртвая. Потом расправила крылья, поднялась высоко и улетела к берегу. Больше она к нам не возвращалась.

VI

Улетела Скопа, но страхи мои не кончились. Куница проспится после сытного завтрака, станет рыскать по острову и...

Куницы-то - они злющие да кровожадные!

Хорошо ещё, что наш островок утром начал подплывать к берегу. Я и про капкан забыл, и про все опасности - стоял столбиком и глядел, как земля приближается.

"Только бы, - думаю, - вылезти на бережок, а там уж авось придумаю, что дальше делать"...

Вот уже виден луг зелёный, папоротник, кротовые кучки... Ещё немножко - и причалит наш остров.

Но тут новая беда стряслась. Наткнулись мы на мелкое место, на песчаную подводную горку; внизу зашуршало, заскреблось - и наш остров остановился. Крепко мы застряли - даже сильный ветер не смог нас больше сдвинуть.

И самое обидное - до берега-то оставалось лапой подать! Всё до последнего листка вижу, а перебраться не могу: опять глубина начинается, прыгну в воду - и утону со своим капканом...

Днём началась гроза; в лесу многие деревья выворотило, и на нашем острове тоже упала сосна. Та самая, на которой Куница схоронилась.

Куница осталась цела, я видел, как она соскочила в воду, заколотила лапками и поплыла к берегу. Только - хвостик торчком! Очень было завидно, что я так не могу.

Вот и остался я на острове один-одинёшенек. Бояться теперь некого, но и надежды на спасенье тоже нет... Иногда птицы ко мне залетали, крысы водные наведывались... Но долго никто не задерживался, - все могли перебираться, куда захотят. Один я ковылял на трёх лапках, как привязанный. А корма на островке оставалось всё меньше и меньше, и я понял, что скоро придётся мне помирать голодной смертью.

VII

Я подстриг до корней всю траву, обгрыз даже противно пахнувший багульник, начал жевать сосновую кору... А дни шли за днями, и озеро не мелело, оставалось таким же глубоким. И по-прежнему отделяла меня от берега широкая полоса воды.

Я так ослаб, что уже и ковылять не мог, а только лежал на одном месте. Солнце пекло, а на моём островке теперь не было даже тени.

От жары и голода у меня все качалось перед глазами, и я не сразу заметил, что на берегу, над лесом, курится белый дым.

К вечеру дым стал густой; он тянулся над лесом, как грозозная туча. И ночью, в темноте, на берегу, вдруг стали мигать красные огоньки, знаете, вроде как в деревне, в человеческих жилищах. Но я

знал, что никакой деревни там не было, а огоньки множились, росли, и до меня долетел запах гари...

Начался лесной пожар.

Всю ночь из лесу к озеру выбегали лесные жители. Были тут и неуклюжие барсуки, и быстрые косули, и огромные лоси, и незаметные головастые волки. Никто не трогал друг дружку, а все бежали рядом, прыгали в воду и плыли на другую сторону озера. Спасаясь от огня, туда же летели птицы и писклявые летучие мыши.

Огонь надвигался быстро, вскоре уже весь берег был в дыму и воздух сделался горячим и едким. Искры сыпались в воду и шипели, как змеи, а вскоре начали долетать и до моего островка. А я не мог встать, лежал между корнями сосны и задыхался от дыма...

Вот-вот вспыхнут на острове сухие сучья, мох и одинокая сосна. Первым, конечно, загорится пустое гнездо Скопы, - как раз над моей головой...

VIII

Когда рассвело, на берегу, показались люди, - изредка сквозь дым было видно, как они что-то несут на спинах, машут друг дружке. Я догадался, что люди дерутся с огнём. Для них он тоже - страшный враг, как и для нас.

Потом люди выбежали на берег, залезли в лодку и поплыли прочь. Я подумал, что им не удалось испугать огонь. Я ведь совсем ничего не знал про людей. Я решил, что огонь оказался храбрее, и люди бегут от него, как ночью бежали еноты, белки и лоси.

А затем случилось самое непонятное...

На берегу вдруг ударил гром, к небу полетела чёрная земля, целые деревья, камни. И поднялся такой ветрище, что я вовсе оглох и ослеп, а мой островок подскочил на волне и отлетел сразу на сто прыжков!

Теперь-то я знаю, что это называется взрыв. Люди могут его делать, когда захотят, и выпускают навстречу огню. Но я ничего не знал, и подумал уже, что совсем убит. А когда я поднял голову, - пожара не было. Взрыв проглотил всё на берегу - остался только чёрный дым...

Но зато на моём острове огонь уцелел. Он всё-таки успел перепрыгнуть сюда, и загорелось гнездо Скопы, и упавшая сосна, и сухой зелёный мох.

Остров уплывал от берега всё дальше, а огонь раздувался под ветром, трещал от злости и плевался искрами... Ещё бы немножко - и пропал бы я в огне.

IX

Пламя уже подбиралось ко мне, искры падали на шёрстку... И тут я увидел, что к острову быстро плывёт лодка с людьми.

В другой раз я, наверно, постарался бы от людей схорониться. Но сейчас я к ним пополз, пополз и закричал прямо-таки не заячьим голосом... И люди подхватили меня на руки.

Один - большой такой, лохматый, как енот, - опустил меня в лодку и вдруг охнул:

- Глядите, братцы, на лапе-то у него - капкан кротовый! Вот бедный косой, убежать от огня не мог... Протянул руку - раз, раз - и снял капкан.

И хоть я был совсем слабый, но всё-таки поднялся и попробовал на лапу ступить - цела ли? Оказалось, почти здоровая лапа, снова прыгать можно!

Потом люди победили пожар и на моём острове, - водой залили. А меня отвезли к берегу и выпустили на вольную волюшку. Вот с тех пор у меня это словечко появилось - "братцы". Тот лохматый человек, что меня спас, всё людям говорил - "братцы" да "братцы..."

Я и запомнил. И думаю, что это слово очень хорошее, потому что его добрый человек говорил...

Вот такая, братцы, история!

Она была маленькая, с тонкими прозрачным крылышками, похожая на снежинку. Но снежинки рождаются в холодном воздухе, а Метличка появилась на свет в теплое летнее утро.

На рассвете она поднялась из-под воды и закружилась над озером вместе со своими подружками. Их было так много — белых и легких, — что казалось, будто над озером разгулялась метель.

— Метлички заиграли! — говорили люди и останавливались, чтобы поглядеть на белый хоровод.

Но Метличка не слышала, что говорят люди. О взмахивала крылышками и поднималась выше и выше.

Она в первый раз видела синюю воду озера, облака в небе, зеленые деревья, чистое солнце и радовалась этому как могла.

Она знала только одно: к вечеру, когда солнце опустится за лес и загустеют сумерки, все метлички упадут обратно в воду. Их жизнь кончается, потому что на свете они живут всего лишь один день.

Недаром люди зовут их поденками.

Но Метличка не жалела, что ее жизнь так коротка. Ведь никто не говорил Метличке, что после темноты опять наступает рассвет, что этих рассветов много и что все они прекрасны... Метличка думала, что иначе не бывает: жизнь — это один день. Утро — молодость, полдень — середина жизни, а вечер — старость. И Метличка радовалась как могла, и ей казалось, что до старости еще очень и очень далеко. Может быть, она так бы ничего и не узнала.

Но погода в тот день выдалась беспокойная, по озеру чередой катились волны, листва на деревьях кипела и становилась то густо-зеленой, то серебряной.

Налетел сильный порыв ветра, подхватил Метличку и понес прочь от воды. Закрутился внизу песчаный берег, промелькнула опушка леса, поляна, и не успела Метличка опомниться, как ее занесло ветром на опушку старого, чёрного Дуба.

Прилепилась Метличка к его ветке, сложила мятые крылышки и стала ждать, когда стихнет ветер. Но ветер не унимался. Лес шумел, сердился трещал, и качалась и скрипела ветка, на которой прилепилась Метличка. Миновал час, другой, время уже шло к полудню, ветер дул по-прежнему. И Метличка начала плакать. Дуб услышал ее. Он был старый, мудрый. Он сумел среди лесного шума различить слабенький голосок Метлички.

— О чем ты плачешь, белая бабочка? — спросил он.

— Я плачу о том, что не могу вернуться на озеро, — ответила Метличка. — Скоро полдень, ветер не унимается, и я останусь тут до самого вечера.

— Что ж, ты вернешься домой завтра, — сказал Дуб.

— Я не знаю, что такое «завтра»!.. — Метличка от удивления даже перестала плакать.

— Завтра будет такой же день, и такое же солнце, и такая же вода на озере.

— Завтра ничего не будет, — сказала Метличка. Наступит вечер, и мы все состаримся, и умрём, и опустимся в воду, из которой вышли.

— Ах, так вы — поденки... — усмехнулся Дуб. — Я и забыл, что для вас не бывает ни завтра, ни послезавтра, ни весны, ни осени...

— А что такое «весна» и «осень»? — спросила Метличка.

И Дуб рассказал ей, как после снежной, студеной зимы приходит на землю красавица весна и зажигает в лесу первые звездочки медуниц, самых милых на свете цветов. Как весну сменяет щедрое лето с ягодами, грибами, спелой рожью на полях. Как потом опускается на землю осень и одевает деревья в такие расписные наряды, каких не бывает больше никогда...

— Значит, я ничего этого не увижу? — спросила Метличка. — Ни весны, ни осени, ни зимы? Но почему так?! Почему такая коротенькая у меня жизнь?!

Старый Дуб долго не отвечал, только шумел ветками, и казалось, что он вздыхает тяжело.

— Каждый живет столько, сколько сумеет прожить, — наконец сказал он. И если ты очень захочешь увидеть зиму и весну, лето и осень, ты увидишь их.

— Как же это сделать?

— Надо не ждать, а идти за ними, — сказал Дуб. — Не бойся ветра. Отпусти ветку, за которую ты держишься. Ветер подхватит тебя, понесет... И, может быть, ты попадешь на Высокую Гору, потом в долину и Поле... И ты все увидишь.

— Но, может быть, я и не попаду? — спросила Метличка.

— Все может быть. Пускаться в такой путь рискованно. Тебя на каждом шагу будут подстерегать опасности, ты можешь погибнуть...

— Я боюсь! испугалась Метличка.

— Тогда не улетай. Ветер стихает, скоро ты вернешься на озеро.

— Но мне же хочется, хочется посмотреть зиму весну, лето и осени!

— Тогда решайся. Ветер стихает, и будет поздно лететь.

Ах как страшно было Метличке отрываться крепкой, надежной ветки и нестись по ветру неизвестно куда!

— А обратно ветер меня принесет? Хотя бы к вечеру я попаду домой?

— Этого никто не знает, — сказал Дуб.

Ветер действительно затихал; все реже становились его порывы. Можно было попробовать вернуться на озеро. У Метлички хватило бы сил долететь: помятые крылышки сумели бы пронести Метличку над поляной, над опушкой леса, над берегом родного озера...

Но Метличка уже не хотела этого. Она уже знала про зиму и весну, лето, осень, она представляла их себе. И наверное, в её воображении они были еще заманчивей, еще прекраснее, чем на самом деле. И когда налетел последний, стремительный порыв ветра, Метличка отпустила ветку.

2

Ее кружило и несло над громадным лесом, этот лес казался совсем низким; он был похож на траву, которую Метличка видела на берегах своего озера. Качался, вставал набок и переворачивался этот лес, похожий на траву, качалось и переворачивалось небо, и облака вдруг оказывались глубоко внизу. Ветер жутко свистел, выл, и Метличка уже не чувствовала своих крылышек - может, они были сломаны...

Наконец облака, что переворачивались и оказывались то внизу, то вверху, стали приближаться. Все кругом затянулось клубящимся туманом, каким же, как на озере в часы рассвета. А ветер заметался, засвистел пронзительней, и странное эхо начало откликаться ему.

Проглянули сквозь туман остроконечные острые камни. Метличку бросило к ним, протащило по каменной стенке... И очутилась Метличка в глубокой расселине.

Первое, что она ощутила, был холод. Нестерпимым холодом несло от темных камней, холодом сочился туман, и воздух, что поднимался снизу тоже был очень холоден.

— Наверное, я попала туда, где зима... — сказала Метличка. — Но ведь я замерзну! И ничего успею увидеть! Но все-таки она увидела. Туман пополз вбок, начал сваливаться за гряду камней; пробились лучи солнца и осветили всё окрест. Выплыла из тумана гора с ледяной сияющей вершиной, открылись склоны, далеко-далеко внизу показалось ущелье с водопадами.

А рядом с камнем, совсем близко от расселины, где пряталась теперь Метличка, белел снег.

Он сплошь укрывал каменистую землю и так блестел, так посверкивал на солнце, что больно было смотреть. Его еще много было на склонах горы, и никогда Метличка не представляла себе, что могут быть на свете вот такие сверкающие снежные просторы...

— Скажите: здесь сейчас зима? — спросила Метличка крохотную чахлую Травку, прижавшуюся к камню.

— Зима, — ответила Травка. — К нам, высоко в горы, весна поднимается поздно...

— Как я вам завидую, — вздохнула Метличка. — Вы можете любоваться зимой сколько захотите!

— А я завидую вам, — прошептала Травка. — Вы можете улететь вниз. Туда, где давно началась Весна!

— Это далеко?

— Нет, не очень. Но ведь я не могу летать, не могу ходить, и когда весна будет в двух шагах, я не сумею до нее дотянуться... Я могу только ждать. А вы летите, летите навстречу весне!

Метличка послушалась, расправила свои помятые, изломанные крылышки и полетела вниз. От камней, гревшихся на солнце, поднимались потоки воздуха, они подхватывали Метличку, поддерживали, помогали ее крылышкам, несли дальше и дальше.

Метличка увидела, что в снегу появляются проталины, затем она увидела ручьи, прыгавшие с камня на камень, а затем земля вдруг сделалась разноцветной. На этой черной, мокрой земле загорелись огоньки красные, огоньки желтые, голубые... И Метличка догадалась, что это весенние цветы.

Она опустилась на лужайку, всю золотую от звездочек Гусиного Лука. Плясали над Цветами бабочки, заливались птицы в кустах, ручьи перебулькивались. И так все радовалось кругом, так веселилось, что и спрашивать не стоило — конечно же тут хозяйничала красавица весна...

— Как я вам завидую! — опять сказала Метличка, глядя на яркие звезды Гусиного Лука. — У вас замечательно, у вас необыкновенно красиво! И вы можете любоваться весной сколько захотите!

— Нам некогда любоваться! — сказал Гусиный Лук. — Мы все торопимся. Здесь такое короткое лето. Надо успеть отцвести, вырастить семена, да еще в луковице запасы накопить. На зиму.

Еле-еле успеваем... Позавидовать можно тем, кто живет в долине, У них такое чудное, такое длинное лето!

И Гусиный Лук добавил, что, если бы Метличка увидела это длинное, это неторопливое лето, она бы поняла, где надо жить. Но, увы, он, Гусиный Лук, не может перебраться в долину. Он может только пожелать Метличке счастливого пути... И Метличка полетела дальше.

Она видела, что все зеленее и гуще делается на склонах трава; она замечала, что перестают петь птицы — теперь они сидели в гнездах, выводили птенцов. И все теплей, все жарче становилось; Метличку разморило от горячего воздуха, она чуть шевелила крылышками.

Опустилась она в лугах, в перепутанную душистую траву. Дрожало над лугами знойное марево, звон стоял в траве. Может быть, это звенели пчелы, может быть — синие колокольчики Горечавки, а может быть — сам воздух звенел...

— Как я вам всем завидую... — разморенно проговорила Метличка. — Действительно, вашему лету конца не видать. И какое же счастье — любоваться бесконечным летом!

— А мы давно мечтаем об осени! — сказала Горечавка, качнув синими колокольчиками.

— Разве осень лучше?

— Не в этом дело. Все лето мы заботимся о семенах — чтобы их побольше завязалось, чтобы они все уцелели, чтобы не вышло пустышек. И мы не перестанем беспокоиться до тех пор, пока наши дети не расселятся по всему лугу, не найдут подходящие местечки для житья. А это будет лишь осенью... Я ужасно завидую тем, кто живет на сухом холме. Видите, там уже деревья желтеют? Осень туда приходит раным-ранешенько! Вы просто не представляете, что за покой, что за счастье наступает осенью!

Не хотелось Метличке улетать с летних лугов; да и сил у нее оставалось мало. Но тут вновь подул ветер. Теперь он потянул в обратную сторону — с горы к долинам и лесам, — и Метличка не стала прятаться в траве. Мягко подхватил ее широкий теплый ветер, пахнувший травами, — и вот уже позади остались луга, и река скользнула вниз, и бурые выгоревшие холмы очутились рядом.

Да, они тоже были прекрасны. Они пестрели своими красками — особенными: каждый лист желтеющего дерева не был похож на соседний. Краски были спокойные, мягкие, усталые, И тишина была на этих осенних холмах.

— Да, — утомленно и почти без зависти прошептала Метличка. — Здесь даже мечтать не захочется... Какая у вас благодать!

— Благодать у нас будет зимой! — сказал лысенький, сморщенный Одуванчик.

— Зимой?!

— Разумеется! Наступит зима, укроет землю. И наши разлетевшиеся семена укроет снегами. Мы будем уверены, что они уцелеют до будущей весны...

«Как странно! — подумала Метличка. — Я видел зиму, весну, лето и осень. Они красивы, они восхитительны! Я бы осталась жить, если бы смогла в любом времени года... Но все, с кем я говорила, этого не хотят. Зимой ждут не дождутся весны. Весной мечтают о лете. Летом торопят осень. А осенью опять ждут не дождутся снега... Очень странно. Неужели так ведут себя и травы, и деревья, и птицы, и звери?»

И Метличка вспомнила всех, с кем говорила, и поняла, отчего зимою можно торопить весну, а осенью — зиму. Ей сделалось тоскливо, горько и страшно. Так страшно, как не было за весь длинный день, за всю ее короткую жизнь.

Она поднялась над холмом и полетела, полетела из последних сил — туда, к лесу, к поляне, к далекому озеру, где кружились ее сестры — метлички.

И если бы сейчас ветер дул навстречу, она полетела бы против ветра — все равно полетела бы на своих изломанных, истрепанных, измятых крылышках. А если бы крылышки перестали двигаться, она поползла бы по земле.

Она уже не думала о том, какая у нее коротенькая жизнь. Теперь она хотела даже, чтобы день кончился скорее, чтобы скорее наступал вечер и солнце скорее зашло.

Потому что вечером она должна опуститься под воду и отложить яички, из которых на будущий год выйдут на свет молоденькие нежнокрылые поденки. Ее дети. Надо было скорее это сделать. И рядом с этим ее собственная жизнь уже не значила ничего

Опять, как поутру, качался и переворачивался лес, переворачивалось небо, облака оказывались то наверху, то внизу.

А Метличка упорно махала крылышками и умоляла ветер, чтобы он дул сильнее, и торопилась, торопилась...

Хотя уже ясно было, что до родного своего озера ей не долететь.

3

Она запуталась в ветвях того самого Дуба, на который попала утром.

Отчаянно барахталась она в плещущих листьях и плакала, и просила ветер, чтобы он помог ей. Опять старый Дуб различил в лесном шуме ее слабенький голос.

— Значит, ты вернулась все-таки, белая бабочка? — спросил он.

— Вернулась! Но я не успею на свое озеро!

— Ты видела зиму, весну, осень и лето?

— Видела! Но я не успею на свое озеро!

— Тебе понравились зима, весна, лето и осень?

— Понравились! Но я не успею на свое озеро!

— Значит, ты не жалеешь, что полетела так далеко?

— Жалею! — закричала Метличка. — Жалею! Потому что теперь я не попаду на свое озеро!

— А зачем тебе надо попасть на свое озеро? спросил старый Дуб неторопливо.

— Как вы не понимаете?! Я же беспокоюсь о детях!.. Я теперь знаю, для чего нужна и ваша длинная жизнь, и моя коротенькая! Все деревья, и все птицы, и все звери, и все цветы, и все травы, и все живое на свете не о себе думает, а о детях! Разве не так?

— Правильно, — согласился Дуб.

— А я не успею на свое озеро! И мои дети не вылетят на будущий год из-под воды! Ах, зачем, зачем я послушалась вас и согласилась лететь!..

— Смешная бабочка... — подумав, медленно прошумел дуб. — Ты успела повидать кой-чего. Но я-то знаю больше... Зачем тебе возвращаться на прежнее место?

— А как же иначе?!

— Я, старый Дуб, радуюсь, когда сойки разносят мои желуди по всему лесу. И другие деревья радуются, рассылая по ветру семена...

— Но я должна!..

— Дослушай меня. Молодые птенцы не возвращаются в прежнее гнездо. И молодые звери покидают прежнюю нору... И вы, поденки, тоже разлетаетесь по свету. Иначе вы жили бы только в одном-единственном озере. А этого, к счастью, нет. Все живое заботится о детях, а дети уходят из дому. И расселяются по всей земле.

— Но что же мне делать? Мне?

— Посмотри: рядом есть другое озеро. Совсем рядом. Почему твоим детям не вырасти здесь, на привольных и новых местах? Смелее, смелее опускайся вниз, белая бабочка! У тебя еще хватит времени!

Метличка посмотрела, куда показывал Дуб, и впрямь — невдалеке, за березняком, увидела новое озеро. Светлое, чисто-голубое озеро с песчаными берегами, с зарослями камышей, с кустами ивняка, наклонившимися над водой.

Просто удивительно, что Метличка не заметила его утром!

Может быть, ей показалось, что новое озеро красивее прежнего. А может, так оно и было.

4

Она боялась только, что окажется одна на этом озере и на будущий год для ее детей не найдется товарищей и подружек. Но когда ветер немножко утих, над водой стали появляться метлички. Одна за другой вылетали они из-за кустов, из-за деревьев, и сразу сбивались в стайку, и кружились, кружились над прозрачными волнами, как необыкновенная теплая метель.

Метличка неожиданно почувствовала, что у нее прибавилось сил. Она тоже могла летать над водой и могла кружиться в общем хороводе! И она полетела к подругам.

У многих метличек тоже были измяты и поломаны крылышки. Наверно, новые подруги тоже успели попутешествовать... Непременно надо их расспросить — вдруг они видели то, чего не увидела сегодня Метличка?

...Медленно-медленно скатывалось к лесу краснеющее солнце.

Длинный-длинный догорал день.

А над водой все кружился невесомый хоровод, все завивалась теплая метель.

— Метлички играют! — говорили люди и останавливались, чтобы посмотреть на такое чудо.

ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ

Нынче на еловые шишки добрый был урожай, и белки зимою на голод не жаловались.

Бывало, стоит лишь из гнезда выскочить, на еловый отрожек прыгнуть — и вот они, шишки, перед носом качаются... Лущи — не хочу!

Но зима тянулась длинная-длинная, а охотников до еловых семян в лесу много. Кроме белок, тут вам и клесты, и дятлы, и другие птицы. Разве на всех напасешься?

И к весне шишек в еловом лесу почти не осталось — понадобилось лесным жителям на другие корма переходить.

Белка с Белкой встречается:

— Чем, подруженька, сыта?

— Еловыми почечками да веточками. А ты?

— Березовый лишайничек грызу.

— Скучная еда!

— Уж куда скучней!

— Старые-то белки еще шишку-другую отыщут где-то. Нет-нет да и полакомятся. А вот нам, молоденьким, в нашу первую весну вовсе плохо — от смолистых почек во рту горечь, от сухого лишайника в горле першит...

— Узнать бы, где старые белки шишки разыскивают. Давай спросим?

— У кого?

— Да у дедушки Ворона. Он старенький, умненький, все знает!

— Ну, давай.

Поскакали две белки из елового бора в осинничек, из осинничка — в березничек, из березничка на песчаную гриву, в светлый сосняк. А там, на за сохшей сосновой маковке, на костяном голом сучке лесной черный Ворон сидит.

— Здравствуйте, дедушка!

— Помоги нам, дедушка!

— Чего, вертушки, вам потребовалось?

— Подскажи, дедушка, где еловых шишек найти.

— Хоть бы немножечко, хоть бы чуточку!

— Соскучились, вертушки, по сладким кормам... Поищите шишки не на елках, а под елками.

— Мы уже глядели там, дедушка!

— Под елками только пустые да обгрызенные валяются.

— А вы разыщите, вертушки, прошлогодний снег. Как найдете его, так вам шишечки и встретятся.

— А где же искать прошлогодний снег?

— Погоди, дедушка, толком расскажи!

Но не успел Ворон ничего толком рассказать. Застрекотали над ближней поляной сороки, позвали его — поднялся Ворон на крыло и улетел своим делам.

Остались белки ни с чем, друг на дружку таращатся:

— Вот задача!

— Опять у кого-то надо спрашивать!

Отправились восвояси, а по дороге надумали всех встречных узнавать — где прошлогодний находится? Из сосновой гривы перебрались в березничек. Видят — бродит внизу Лось, лесной большущий бык.

— Дяденька Лось, отзовись!

— Не знаешь ли, где прошлогодний снег лежит?

— Вот уж не встречал, — говорит Лось. — А зачем он понадобился?

— Да вроде бы там наше лакомство спрятано.

— Какое?

— Еловые шишечки.

— Фу-у, тоже мне лакомство... Кабы листочки зеленые, я бы вместе искать пошел. А так — сами старайтесь.

Снова скачут белки, из березничка в осинничек перебрались. Видят — сидит внизу Заяц, кору гложет.

— Братик Заяц, послушай-ка!

— Не видал ли, где прошлогодний снег лежит?

— Право слово, не видывал. А для чего прошлогодний снег?

— Где-то там лакомство спрятано.

— Ну? Какое?!

— Шишки еловые.

— Тю, вертихвостки... Нашли лакомство. Если бы травка молоденькая, я бы тотчас побежал искать. А такую еду сами добывайте.

Дальше белки скачут; вот уже впереди родной темный ельничек показался. Видят на опушке по снегу печатают следочки Маленькая Мышь.

— Спросим у нее?

— Чего она, такая малая, знать может!

— А все-таки... Мышка-сестричка, не слыхала ты, где Прошлогодний снег лежит?

— Как не слыхать, ежели я всю зиму в прошлогодном снегу бегала.

— Где же он?!

— Спускайтесь вниз, покажу.

Махнули белки с дерева на землю, подскочили к Мыши.

— Скорей показывай, где?

— А у вас под лапками.

— У нас под лапками молодой снежок, недавно выпавший.

— Ну и что. Вы поглубже копните. Сверху снег молоденький, это верно. А под ним лежит снег постарше. Потом — еще постарше. А у самой земли лежит самый старый снег, который в прошлом году поздней осенью выпал. Я в том прошлогодном снегу норки да переходы себе устраивала.

— А не встречались тебе там еловые шишечки?

— Встречались. Лежат в прошлогодном снегу, как в кладовочке.

Забились у белок сердчишки, носы задергались. И вдруг чуют: впрямь из-под снега запах еловых шишек доносится!

Как принялись белки снег разрывать! Глубже и глубже закапываются — уже одни хвостишки наружу торчат.

И вот — одна шишка в прошлогодном снегу, другая... Да такие плотненькие, ядреные, ни чешуечка не встопорщена. Видно, как упали с веток, так и пролежали целехоньки до весны.

— Вкусно!

— Ах, вкусно!..

Выгрызают белки еловые семена, поминают добром прошлогодний снег.

Оказывается, и он пригодиться может.

ЗАЯЧЬЕ СЕМЕЙСТВО

На березовой опушке лесные мамы хвалились друг перед другом своими детками.

— Ах какой у меня сын! — сказала мама Олениха. — Наглядеться на него нельзя. Копытца точеные, ножки пряменькие, шейка высокононькая... Легонький, как ветерочек!

— М-м-м, сын, конечно, неплох, — сказала мама Барсучиха. — Но куда ему до моих деточек! Уж такие они нарядненькие, такие разумненькие. Родились в марте, в апреле уже глазки открыли, а нынче — поверите ли? — даже из норы выбегают...

— А сколько их у вас? — спросила Олениха.

— Уж, конечно, не один и не два. Целых три!

— Можно вас поздравить, — сказала мама Ежиха. — Но все-таки моих деток с вашими не сравнить. У меня их — пять душ! И вы знаете, у них уже шерстка появилась..., и даже иголочки тверденькими становятся... Ну, не чудо ли?

— Хрю! — сказала мама Кабаниха. — Пять это хор-рошо. Ну а что вы скажете, если их — десять?
— А у кого их десять?! — поразилась мама Ежиха.
— Хрю-хрю... У меня! Ровно десяточек, и все как один... хрю!.. мохнатенькие... хрю!.. полосатенькие... хрю!.. повизгивают этак тоненько, как птички... Где еще такое семейство найдешь?

Не успели мамы согласиться, как вдруг с поля раздался голос:

— У меня семейство получше!

И на опушке появилась мама Хомячиха.

— Ну-ка, — сказала она, — попробуйте догадаться, сколько у меня деток!

— Тоже десять! — хрюкнула мама Кабаниха.

— Двенадцать? — спросила мама Барсучиха.

— Пятнадцать? — шепнула мама Ежиха и сама и пугалась, назвав такое большое число.

— Как бы не так! — сказала мама Хомячиха. — Подымайте выше! У меня деток — восемнадцать душ, во сколько! И чего там болтать про шерстку, про глазки — это все пустяки. Мои детки уже работать начали. Даром что малы, а уже каждый себе норку копает, жилье готовит.

Представляете?

— Да, ваше семейство — самое замечательное! признали все мамы. — Вы подумайте: восемнадцать деток-работников!

Долго бы еще удивлялись мамы, если бы опушке не появилась Зайчиха.

Хвалиться она не стала, шла тишком-молчком

Никто не узнал бы, сколько у нее деток, если б мама Олениха не спросила:

— Ну, а сколько душ в вашем семействе? Не знаю, — сказала Зайчиха. — Кто ж их считал...

Может — сто, может — тыща, а может - и еще больше.

— Как так?! — Подскочили мамы. — Не может быть!

— У нас именно так и бывает, — сказала Зайчиха. — Мы со своими детками не привыкли нянчиться. Рождаются зайчата, мы их разок накормим, а потом где-нибудь под кустом оставим — и до свиданья!

— Зачем же! Как безжлостно! — закричали мамы.

— А затем, что так лучше. Затаятся зайчата под кустом, притихнут — и ни волк, ни лиса их не найдут. А будь мы рядом, так навлекли бы на них беду

— Но ведь они же маленькие!

— Маленькие, да удаленькие... И прятаться умеют, и видят зорко, и слышат чутко. Да и шубки у них тепленькие.

— А кто же их кормит-то?

— Да любая Зайчиха, которая встретится. У нас ведь нету чужих деток, все — родные. Нынче я одного прокормлю, завтра — другого. Вот и выходит, что все зайчата в лесу — из моего семейства. А сколько их — никто не ведает. Может — сто, может — тыща, а может — и того больше. Посчитайте, попробуйте!

И тут уж все мамы поняли, что все-таки самое удивительное семейство в лесу — заячье.